

ПОКОЛЕНИЕ

ПОКОЛЕНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
МОЛОДЫХ РУССКИХ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

ББК 84Р7
П48

Составление
Ю. ЛОПУСОВА

Предисловие
С. МИХАЛКОВА

Оформление художника
С. ГЕРАСКЕВИЧА

4702010200-368
П ————— 34-86
028(01)-86

© Предисловие, состав, оформление. Издательство «Художественная литература», 1986 г

ПОСТИГАЯ МИР СОВРЕМЕННОГО

Будущее нашей литературы во многом зависит от того, как сегодня общество проявляет заботу о новой писательской смене, как способствует гражданскому и профессиональному становлению таланта, какие предъявляет требования к тем, кто завтра возьмет на свои плечи ответственность за духовную жизнь народа.

Десять лет назад, в октябре 1976 года, вышло в свет постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Оно стало этапом для судеб молодой литературы, определило новые идейно-художественные высоты в работе с творческой молодежью, дало мощный импульс художественному поиску молодых.

В сборник «Поколение», предлагаемый вниманию читателя, вошли произведения молодых российских прозаиков, чье творчество развивалось в рамках минувшего десятилетия. Вот почему эту книгу можно считать своеобразным итогом, творческим отчетом молодых литераторов за минувшее десятилетие, прошедшее под знаком реализации важнейшего партийного постановления.

Знакомство со сборником «Поколение» приводит к мысли об интенсивности художественных поисков молодой российской прозы, ее стремлении отразить серьезные проблемы, встающие перед современным человеком в его духовном, личностном становлении и развитии. Широка и многообразна тематика произведений, вошедших в книгу. Здесь и производственная тема, и картины жизни современного села, и ретроспекции в суровое послевоенное время, и сложные социально-бытовые коллизии, связанные с поиском нравственных ориентиров.

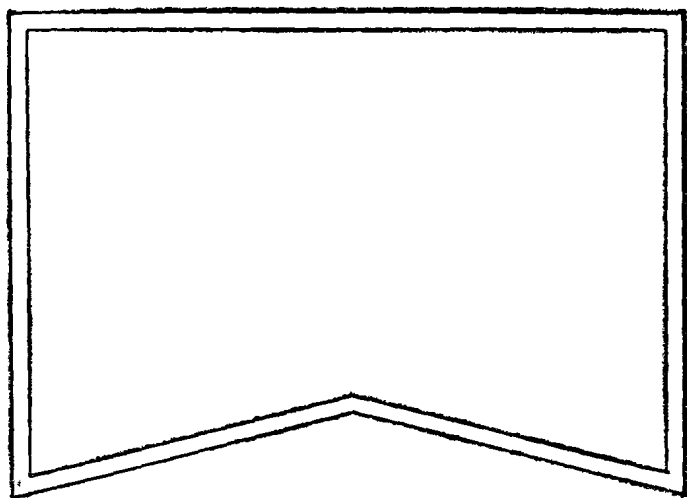
При всей широте талантливых художественных исканий и интересом многообразии жизненного материала, вовлеченного в орбиту писательских наблюдений, мне хотелось бы выделить то общее, что объединяет и рождает новую литературную генерацию. Эту общность можно выразить одним словом: ответственность. Ответственность перед читателем за свою работу, за каждую строку, написанную тобой, за каждое слово, обращенное к людям. Ответственность за свою позицию в литературе. Ответственность

за свою принадлежность к литературному «цеху», которому поручена высокая миссия нравственного воспитания человека.

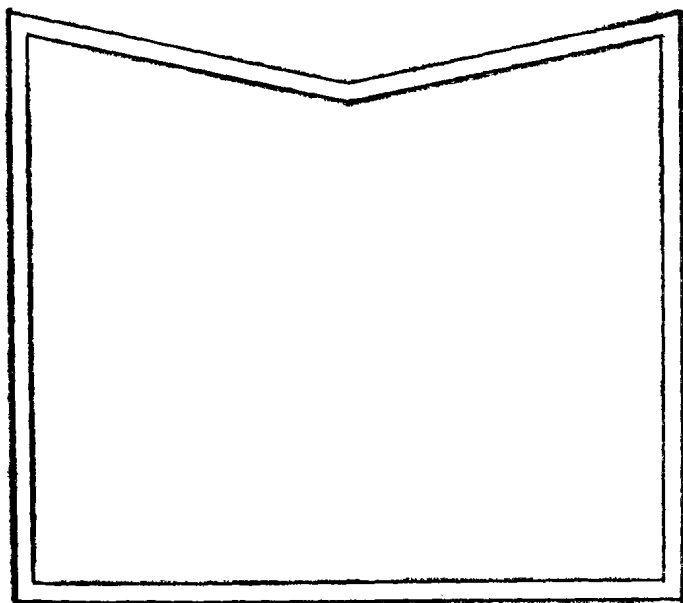
Вопрос об ответственности молодого писателя за свой труд приобретает особую остроту именно сейчас, когда партия предъявила новые требования к нравственному содержанию личности, объявила непримиримую борьбу пустословию, парадности, легковесности, непрофессионализму. В этой борьбе за нравственное совершенствование человека, за утверждение новых общественных форм жизни молодое писательское поколение должно сказать собственное, незаемное слово.

Именно на этом пути и хочется пожелать успеха молодым российским прозаикам, принимающим от старшего писательского поколения эстафету беззаветной верности делу партии, идеалам коммунизма.

Сергей Михалков

ПОВЕСТИ

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

ЮРИС ЦИВИЛИС

1

Генри Форд в интересной книжке «Моя жизнь и мои достижения» (в двадцатых годах ее у нас перевели) писал, между прочим, что специалист — это человек, который точно знает, почему то, что вам нужно, сделать никак нельзя. И если бы он, Форд, прибегал к нечестным методам конкуренции, то самым верным и самым подлым было бы снабдить конкурента целыми полчищами специалистов. Так сказал Генри Форд-первый, толковый инженер, великий организатор производства и жаднучая акула капитала. Форды — второй и третий ничего такого же вот достойного не сказали, они были просто акулы капитала.

А цитирую Форда я потому, что читал его, когда активно внедрял НОТ. Тогда я читал и Форда, и Тэйлора, и Гастева, и Ерманского, и Файоля, и Джилберта, и Попова, и Керженцева. Полезные книжки. Умные.

А вспомнил я Форда сейчас потому, что главный инженер нашего треста Галямов, хотя он Форда не читал и вообще уверен, что Форд писал только приказы по фирме и сумму прописью в чековых книжках, считает меня вот именно таким специалистом.

Надо сказать, это не вполне безосновательно.

В какой-то мере.

Все в мире в какой-то мере небезосновательно. Даже театр абсурда и романы Кафки. А романы эти я читал. И Сэмюэля Беккета с Арнольдом Беннетом не спутаю. Хотя есть даже литературоведы, которые их путают, а я всего-навсего серый инженер из северо-западной Сибири. Знаете, что такое «серый инженер»? Это человек со средним образованием (иногда даже законченным средним), занимающий должность инженера и боком, скоком или грудью напролом проходящий и ат-

тестации, и сокращения штатов, и реорганизации аппарата.

Так вот, я, Анатолий Кошкин, серый инженер из нарымских дебрей, без отличия кончивший стройтехникум, живу в этих дебрях полнокровной, насыщенной, интересной жизнью. Я и лектор общества «Знание» (да и руководитель этого общества, в масштабе треста) по любым темам: экономическим, литературы и искусства, международным, морали. Я и вице-президент клуба книголюбов при ДК «Нефтяник» (и член районного правления Общества любителей книги). Я и в Обществе охраны памятников истории и культуры работаю, и в Совет городского краеведческого музея вхожу. И в обществе коллекционеров тоже не последний, да, собственно, я его и организовывал. Между нами говоря, я раза три подменял зама по кадрам — он пропагандист системы экономического всеобуча в высшем звене кадров, и я за него лекции иногда читаю и семинары веду.

Вся эта многосложная общественная работа, конечно, времени требует. Но зато я не одеревенел, как тот же Гадямов.

Из чего складывается его жизнь?

Работа в рабочее время, работа в нерабочее время, заседания и совещания в свободное от работы нерабочее время, а в промежутках — торопливая еда, сон, прерываемый звонками с трассы, а перед сном осовелое сидение перед голубым экраном с журнальчиком «Человек и Закон», открытым на детективчике. Он сидит, расслабив перегруженные многочасовым сидением на стульях, в вертолетах, в «уазике» мышцы (насколько можно расслабиться в магазинном костюме, рассчитанном на рост ниже галямовского), а в ушах сливаются в баюкающий гул слезливые попреки жены (опять билеты в кино пропали, все тебе некогда, опять в мятой рубашке ушел утром, когда глаженная рядом лежала, опять в школу не сходил, было родительское собрание с отцами, одна я, как мать-одиночка), ширканье коньков и клюшек по льду, одышливое бормотание Николая Озерова и ток собственной крови, а перед глазами серым снегопадом мельтешат строки журнала, хоккеисты на экране и свитер жены. Иногда его пробуждает рев болельщиков, он встряхивается, виновато поддакивает жене, фиксирует в памяти счет на табло, проглатывает абзац детектива и опять задремывает, с каждой шайбой все глубже утопая в сон. Это монотонно-суматошное су-

пешествование иногда прерывается рыбалками, преферансом по полкопейки, вылазками в ДК на спектакли или концерты: Галямов долго решает мелкие производственные и околопроизводственные вопросы в углах фойе, последним входит в зал, усаживается рядом со счастливой женой на лучшие места и начинает сопеть. В антракте его будят.

Это не жизнь.

Мне вот спать даже на скучных гастрольных спектаклях нельзя (я пишу рецензии для районной газетки), а ему не спать нельзя. Организм берет свое.

Нет, это не жизнь.

Галямов помнит фамилию Пикассо; да, он ее слышал и даже вроде что-то видел: это такой абстракционист. А вот Матисс, Шагал, Кустодиев — это для него уже пустые звуки, ничего ему не напоминающие. Да что там живопись! Он, инженер-строитель выпуска 1965 года, ни одного архитектора после Микеланджело и Росси не знает. Я проверял, вызывал его на разговор. Не знает! Забыл! Главный инженер треста, строящего целый город!

Да, он все отдает своему делу. Я бы даже так сказал: Галямов всего себя отдает своей должности.

Должность ответственная, дело архиважнейшее. Наш трест строит нефтепроводы и газопроводы, обустривает несколько групп нефтяных месторождений (а чтоб выкачивать из пласта всю нефть, а не пенки и сливки, как американцы в Саудовской Аравии, знаете сколько надо насосных станций, замерных установок, вахтовых поселков построить?), строит город нефтяников и полдесяток поселков на трассе газопровода. И Галямов всего себя до капелъки отдает.

Таким, как Галямов, по заслугам дают ордена и медали, им запросто достаются путевки на курорты, их насильно выталкивают в отпуск, с трудом отрывая их от работы, о них пишут в газетах. Это — по делам их, это они заработали. Но, по-моему, именно такие люди и отодвигают коммунизм.

Дети их растут безнадзорными, культура и история идут мимо них, любовь они теряют (некогда, ведь любовь требует времени, сил и внимания). Развлечения им доступны тоже лишь не отнимающие времени и сил: они считают себя болельщиками, но на самом деле за перипетиями игры не следят, им важен счет: любимая команда выиграла очко — прекрасно, за пять секунд узнал ре-

зультат и получил удовольствие — ... когда заниматься развитием себя и своих детей, то есть тем, что в Программу партии вписано как главная ее цель.

Вы скажете: Кошкин не прав, в работе эти герои развивают все свои возможности, в работе они общаются с природой, работой они воспитывают и детей, и своих и чужих, показывая примеры самоотверженного труда. Внимание жене они тоже оказывают через работу, отдавая ей, жене, свою немалую зарплату.

А я скажу — чуть это! Разделение труда давно достигло такой глубины, что уже нет профессий, позволяющих человеку в процессе труда развивать все свои способности. Вот вы на чем сидите? На стуле, так? Семьсот лет назад столяр, чтоб сделать всего лишь стул, сперва шел в лес, общался с природой, подбирал дерево, потом развивал мускулатуру, пилил это дерево и строгал, потом занимался художественным творчеством — сочинял стул, потом ремеслом — делал стул, потом торговлей — продавал. Все человеческие способности требовались, чтобы сделать стул. Потому тот стул и стоит в Эрмитаже. Наши стулья в Эрмитаж не поставят. В них нет души. Тот, кто их пилил и строгал, понятия не имел о том, в каком лесу они росли, тот, кто проектировал их форму, понятия не имел, кто их будет делать.

Разделение труда! Работа сегодня требует от человека, где бы, кем бы он ни был, применения не всего спектра, а одной, двух или там, скажем, пяти способностей, но в такой степени, что остальные отсыхают, атрофируются.

Ведь не зря рабочий день ограничен. Это чтобы оставалось время для увлечений, потому что в труде в эпоху глубокого разделения труда никто не может себя полностью реализовать и, значит, не может развиваться всесторонне, а только однобоко, уродливо, с перекосами.

Галямов наш живет как под гипнозом. План любой ценой! Это где-то там, не на Севере и не в строительстве, пусть считают копейчку, бьются за эффективность, учитывают социальные последствия интенсификации труда и прочее, а у нас — стране нужна труба! Труба будет — все простят. Победителей не судят!

Я встал у него на дороге.

Фактически главного инженера в нашем тресте нет.

Штатная единица занята здоровенным энергичным мужиком, трижды орденоносцем в тридцать четыре года. Но...

Но он занимается, во-первых, трубой, во-вторых, трубой, в-третьих, трубой и, только в-четвертых, всем остальным. В общем объеме работ магистральные нефте- и газопроводы по стоимости занимают тридцать процентов, все же остальное — это жилье, нефтепромыслы, дороги, школы, детсады... Но главный занимается не дорогами, не школами. Есть у него зам по производству, но и ему, увы, не до производства. Если он удержится в этом кресле полтора остающихся до пенсии года, можно рассчитывать на персональную, не случайно он создал сложную и тонкую систему взаимоотношений с областным и местным начальством и почти все свое время тратит на охрану этой системы от толчков извне. Что он любит и умеет — это представлять: встречать делегации, возить их по объектам и говорить на банкетах.

Управляющий у нас хороший, но он один, а в сутках, как ни крути, двадцать четыре часа ноль-ноль минут, так что вопросы технической политики, кроме трубопроводного строительства, на свой страх и риск решают начальники соответствующих отделов. И при этом стараются, чтоб ни одна мало-мальски важная бумага не попала к Галямову. Его стол называют «кладбищем бумажек». Отдал ему — все, жди, пока не надоеет, а надоеет — иди к секретарше, она отомкнет галямовский кабинет, порешишься в столе, может, повезет и отыщешь свою бумагу. Может и не повезти. Я так искал отданный Галямову на подпись проект распоряжения. Через месяц бросил искать, новое написал, а через полгода обмусоленный проект сам пришел. Прилетел с трассы. Поверх моей писанины фломастером был нарисован кусок трассы газопровода, а на обороте столбиком фамилии и суммы: фамилии сварщиков и премии им, а за что — Галямов или забыл написать, или не успел, когда отдавал вертолетчику бумажку. У нас это бывает.

Хорошо, что сильные начальники основных отделов. И плохо, что начальник отдела труда и зарплаты слабый.

Я слабый.

Галямов долго терпел. Не из гуманных побуждений:

он проявляет гуманность только к таким, как сам, фанатикам-самосожженцам. И не в надежде на то, что я наберусь опыта или поумнею. Об этом он, я знаю, даже и не мечтал, не то чтоб надеяться.

Просто я — его личное приобретение. Он меня в трест перетянул, он мне квартиру вне очереди «сделал», так что выгнать меня — это расписаться в своем неумении подбирать кадры. Честолюбие и самолюбие не позволяют в таком признаться.

Но теперь, теперь он меня не то что с работы, теперь он меня в пыль бы истер, если б Уголовный кодекс отменили хотя б на денечек...

3

Знакомство Кошкина и Галямова началось с неприятностей, и довольно крупных, для Галямова. Он был начальником сварочно-монтажного управления, но уже в принципе решено было, что главным в трест идти ему, а не Шпалорезову. И тут свалился на его голову главный бухгалтер — ревизор министерства с целой бригадой подручных: сварливая тетка — спец по новой технике и рацпредложениям, производственник из Тюмени, и этот... как его... Кошкин — по труду и зарплате.

Все сперва шло нормально, как всегда в ревизию: что-то находили, что-то в акт включали, но потом Кошкин раскопал давно забытые прошлогодние наряды. Объясняли ему, объясняли: управление трубопроводное, плотников-каменщиков не имеем, с трестом пока договор заключишь, год пройдет, да пока построят — год; а эти шабашники за три месяца все сделали, смотри, вон она контора стоит, вон она, игрушечка!.. Ну и что, ну договорились, что уплатим им двадцать семь процентов от сметы, и уплатили. А что в нарядах ерунда всякая понаписана, так это ж понятно: под те проценты подтягивали... Нет, уперся Кошкин и давай кадило раздувать, народный контроль подключил, прокуратуру. Короче, только-только до суда дело не дошло, но за все, вскрытое ревизией, Галямов, уже перейдя в трест, уплатил одну треть оклада, лишился премии за второе полугодие и получил выговор горкома. Ну, выговор скоро сняли за своевременную сдачу второй пилки Самотлор — Тюмень — Альметьевск, а остальное... В общем, Кошкина Галямов запомнил.

А когда в тресте начали доукомплектовывать штат, Галямов пошел к управляющему и сказал:

— Нам нужен начальник ОТиЗа. Там сейчас сидят две дамы: ни толку от них не добьешься, ни на трассу не пошлешь.

Стуков засмеялся.

— Я не против, но нет в Нефтеболотске специалиста такого, чтоб мог он в отделе работать. Может, в Вартовске или еще где поблизости знакомый есть?.. Только чтоб честный был, это работа такая, деньги рядом... принципиальный и честный!

— Честный и принципиальный?.. Есть такой.

И Галямов позвонил в Вартовск и разыскал Кошкина.

Кошкин легко поддавался на уговоры, хотя и в зарплате терял и работа нисовская ему больше нравилась, творчески мыслящему индивиду на такой работе полный простор.

Кошкин десять дней в месяц вкалывал, двадцать дурака валял: анекдоты рассказывал, помогал отстающим, доводил до товарного вида работы, вернувшиеся с рекламациями ЦНИБ, шпаялся по знакомым прорабам, и при всем этом каждый квартал шеф вполне заслуженно объявлял на общем собрании: «Поздравляю всех! План нормативно-исследовательских работ вы выполнили, лучше сказать — вытянули. Премия будет. Но за это, как и в прошлом квартале, надо сказать спасибо Владимиру Максимовичу Шорину, Толе Кошкину, Вите Стрелкову и Эльвире Дмитриевне, в основном на их плечах лежала тяжесть».

Странная работа — не то инженерия, не то прикладная наука, не то экономика. Но она позволяла Кошкину и безбедно существовать (руководитель группы, оклад сто шестьдесят и премия семьдесят пять процентов оклада за квартал!) и получать моральное удовлетворение.

Все можно было получить от этой работы.

Все, кроме одного.

Кроме квартиры...

Квартиру нельзя было получить. Гримасы двойного подчинения: трест, при котором НИС «аккредитована», отказывает: вы не наши, пусть вам Центр НОТ жилье выделяет; а Центр НОТ может строить в год один дом, и то не каждый год, и строит: в Люберцах дом, в Уфе дом — и все, лимит на пятилетку кончился. А строить по одной квартире в год в пятнадцати городах, где есть НИСы, он не может.

У этой кутерьмы есть глубокий подтекст. Из Москвы говорят: «Не можем мы вас жильем обеспечить», — и это означает: вы же — проверяющая организация, вы их в кулаке должны держать, чтоб они вам на блюдечке ключи подносили. Берите их за глотку и выжимайте жилье! А на местах говорят: «Нет, не можем мы вас жильем обеспечить», — и это означает: «Вы, маму вашу так и так, нас то под денежный начет, то под лишение премий подводите, а то и под суд, — а мы вам хаты? Шип! И ковры вам из нашего лимита и путевки, ну это ладно, профсоюз один. Но вот квартиры?! А ну, юриста ко мне!.. Имеем мы право не ставить на очередь лиц, в штате треста не состоящих? Имеем?.. Ну и до свиданья!»

Кошкин этот подтекст досконально изучил, когда его избрали в местном НИСа, в жилищно-бытовой сектор. В глубине души рассчитывал, что теперь-то для НИСа хоть одну квартиру выбьет, хоть тому, кто первый на очереди, — Кошкину А. П. Увы!.. Он ходил по трестам, обрисовывал в самых ярких красках тяжелое квартирное и бесквартирное положение нисовцев и в ответ слышал одно и то же:

— Понятное дело. Да, да... Сочувствую, голуба, но помочь, к сожалению, не могу. Рад бы, но... Переходи к нам в трест, может, что и подыщем, а так... —

Квартира не светила, а жить в восьмиметровой комнате мужского общежития было неинтересно. Лелька молчала, но Кошкин понимал, каково ей бегать через дорогу в женское общежитие в туалет и вообще... Тем более что обещали всех семейных из общежития выковырнуть, переселить куда-то в мифическое семейное общежитие на край города. В общем, Кошкин даже обрадовался звонку Галямова.

Шеф покряхтел, но отпустил. Сказал только: «Имей в виду, Толя, для тебя у нас место всегда найдется. Всегда. Ну, звони, и того, не обижай наших, когда в ваш трест придут...»

Галямов сдержал слово: в июне Кошкин перебрался в Нефтеболотск, а в ноябре отметил новоселье в двухкомнатной квартире на седьмом этаже второй в городе девятиэтажки. Счастливая дочь гоняла по еще пустым — до начала навигации в мебельном не было ничего, кроме зеркал и стульев, — комнатам на трехколесном велосипеде, а Лелька не вылазила из ванной.

А в декабре пачались тренинги.

Галямов злой вернулся с трассы: стояло позднее тепло, болота не промерзали, техника тонула и землерои сорвали график. Помылся, отоспался и пошел в райком на пленум. Там получил «на вид» за недостаточное внимание к бригадному подряду по методу Злобина в жилищном строительстве и тут же, вызвав Кошкина, потребовал в две недели перевести на этот подряд все строительство жилья. В Нефтеболотске непременно.

Кошкин подумал и заявил, что, во-первых, объем расчетов, которые нужно выполнить для перевода на метод Злобина, не позволит уложиться в две недели, во-вторых, материалов не хватает и, если бригады, которые еще не работали по методу Злобина, не уложатся в срок, это дискредитирует метод в глазах самих строителей, а в-третьих, главный инженер не по адресу обращается: бригадный подряд — новая форма хозрасчета, а не оплаты труда, а хозрасчетом должен заниматься плановый отдел. Он же, Кошкин, как начальник ОТиЗа, готов выполнить свою часть работы: мобилизовать трудовиков в управлениях, привлечь НИС и выдать калькуляции затрат труда и зарплаты на те объекты, которые переводятся на этот безусловно замечательный метод.

Галямов взорвался: все эти «во-первых, во-вторых и в-третьих», все это раскладывание по полочкам — это же издевательство! Что он, мальчик? Еще его будут тут, в его же кабинете, учить, кому что поручать и с кем о чем говорить! Ишь, наглец — есть вечера, ночи, отставь пока все свои нагрузки и делай. Сделаешь — вот тогда я могу и твои соображения выслушать. А сейчас — марш исполнять! Но Кошкин уперся, пришлось вызвать начальника планового отдела. Тот удивился:

— Бригадный подряд? Это же ОТиЗ! Бригады, наряды — это не моя епархия. Расчеты мы готовим, а основная работа — их, трудовиков.

Убедившись, что он прав, Галямов выгнал Кошкина из кабинета и велел не появляться на глаза без доклада о том, сколько объектов уже перешло на новый метод. Кошкин что-то мекнул, махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Он пошел заливать яд к Литусу.

Этот сибирский латыш несколько лет назад сломал ногу, хряпнувшись с кое-как сколоченных лесов, после чего добровольно перешел с почетной прорабской работы

на в общем-то чуть ли не презируемую работу инженера по технике безопасности. Нога долго не срасталась, и Литус приобрел, как говорят врачи, «щадящую» хромоту — стал ходить медленно, оплыл жиром, но лазил по стройкам неустанно, раздавая налево и направо предписания о приостановке работ до выполнения всех требований охраны труда и техники безопасности, фотографируя поддоны кирпича, угрожающие обвалом на головы внизу идущих, неогражденные проемы в перекрытиях, оставленные на ночь открытыми канализационные колодцы, монтажников, работающих без защитных поясов, и, наконец, вывешивая снимки на специальном стенде.

В одном с ним кабинетике занимался и Демьянов, трестовский инспектор пожарной безопасности, жилистый тощий старик, в шестьдесят лет еще способный отжимать «уголок» между двух стульев, забияка и трепач, бывший командир сабельного взвода, один из двух бывших фронтовиков в аппарате треста. Как и Литус, Демьянов денно и нощно боролся с безобразиями, но размах у него был шире: он не ограничивался стройками треста, ему и города мало было: то, размахивая шевровым бумажником (куплен в тридцать пятом году в Туле за тридцать пять рублей!), набитым удостоверениями и справками — от «корочек» общественного автоинспектора до книжечки внештатного сотрудника ОБХСС, он заставлял продавщиц универмага скрепя сердце выкладывать на прилавок польскую косметику, а то вытряхивал из автобуса захмелевших «зайцев».

В этом кабинетике Кошкина безоговорочно поддерживали. Литус потому, что давно считал: руководство треста разбаловалось и пренебрегает инструкциями, циркулярами и даже порой законами, и поставить их на место полезно для треста и для них самих, а Демьянов просто потому, что давно считал Кошкина, еще с тех пор как тот в командировки сюда из Сургута ездил, порядочным и неподкупным, а он таких и должен поддерживать.

5

Лелька его не поддержала. Она считала, что Кошкин еще слишком мало проработал в тресте, чтоб свои порядки устанавливать.

— Я не говорю, что ты не прав, нет, но ты еще и сам не можешь знать, прав ты или нет. Ты же первый раз

работаешь начальником ОТиЗа в тресте? Первый. И первый год. Ты еще, может, не разобрался досконально, что к чему, а рвешься в драку. Уступи, сделай по-ихнему, потом разберешься, поправишь. А сейчас ты просто еще вслепую тычешься, по-моему.

— «Не зная языка прокезского, как ты можешь его понимать?»

— Да, я то и говорю,— простодушно обрадовалась она, не уловив иронии. Кошкин улыбнулся, оттаял и потянул жену к себе...

Все же как хорошо на четвертом году семейной жизни получить отдельную квартиру!

Медовый месяц они провели у Толиного приятеля, пока тот с семьей отдыхал на юге, а потом — снимали комнату у бабки из местных, а потом — полгода жили в «диком» доме: самовольно заселенной такими же бездомными молодыми семьями аварийной двухэтажке, потом двухэтажку развалили, а они стали жить в мужском общежитии. Два года, даже больше!

Горшки за Маруськой, под гогот соседей, выносил папа, белье развешивать в сушилку ходил папа — свое и Маруськино: мама свое бельишко сушила на батарее, отчего оно было все в полоску; умываться она вставала в пять утра; Маруська вечно ходила вся в сыпи: сучающие по детям соседи обкармливали ее шоколадом, а когда она в три года начала матюгаться, сколько мама слез пролила! Отучишь вроде, и соседи стараются, сдерживают язык, но две недели пройдет — аванс либо получка, — и опять девочка загибать начинает, наслушавшись.

А когда Толик в командировке? Сколько раз пьяные дураки замок ломали? Потом проснутся, приходят прощения просить, а ей-то от этого что, легче? А командировки были длинные, по неделе, по две, а то и по месяцу. Хорошо, если близко, в Нефтеюганск или Вартовск, а если в Надым, то и на воскресенье не заглянет. И сиди на замке, дрожи весь месяц.

А здесь, в Нефтеболотске, и Марусю в садик пристроили сразу, и квартиру дали. Держаться за это место надо зубами, а Толик характер показывает с порога, — как бы плохо не кончилось! Нет, Лелька его не поддерживала.

Хотя, скорее всего, он прав. Он у нее такой, Кошкин: прежде чем что-то сделать, сам себя изо всех сил отговаривает, все-все, какие придумает, доводы против пере-